

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 811.161.1'42(091)
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-03

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, bekasova@mail.ru, SPIN-код: 4178-4503

Модуляции диалога с властью в русских челобитных

АННОТАЦИЯ. В политических традициях Древнерусского государства под родовым названием челобитных объединялись разнообразные документы, касающиеся практически всех сторон жизни частных лиц различной социальной принадлежности, что дает возможность проследить особенности взаимоотношения человека с властью, начиная от вечевых традиций до утверждения самодержавия. Более того, следы старых жалобниц / жалоб (документов, востребованных в начальный период формирования Древнерусского государства и сохраняющих пережитки патриархальных отношений) и челобитий (жанр, вобравший в себя черты жалобы, просьбы и прошения и окончательно утвердившийся в последней четверти XVI века), переживших эволюцию формуляра и откорректированных в связи с развитием языка и общества по форме и содержанию, сохранились в целевом назначении современных заявлений, служебных записок, жалоб (граждан), прошений. Высокая степень креативности мотивирующей и просительной частей дает основание исследователям сближать древнерусские челобитные с художественными произведениями, особенно с позиции оказания эмоционального воздействия челобитчиков на адресата. Исследование речевого взаимодействия просителя с властью показывает, как общественно-политическое устройство отражалось в модификациях структурной модели документа, которые были обусловлены противоположными тенденциями: чем более отдалялась власть от нужд «низового» народа, тем более обезличивалось содержание челобитной и его автор дистанцировался от власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное устройство, диалог с властью, просительные документы, типовая модель челобитья, эволюция параметров документа, челобитные, русский язык, история русского языка, Иван IV, Алексей Михайлович, протопоп Аввакум.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19; email: bekasova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бекасова, Е. Н. Модуляции диалога с властью в русских челобитных / Е. Н. Бекасова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 16-24.

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, bekasova@mail.ru, SPIN code: 4178-4503

Modulation of the Dialogue with the Power in Russian Petitions

ABSTRACT. In the political traditions of the Ancient Russian state, various documents related to almost all aspects of the lives of individuals of various social backgrounds were combined under the generic name of petitions, which makes it possible to trace the peculiarities of a person's relationships with power, ranging from veche traditions to the establishment of autocracy. Moreover, traces of old complaints (documents in demand in the early period of the formation of the Ancient Russian state and preserving remnants of patriarchal relations) and petitions (a genre that absorbed the features of complaints, requests, and petitions and finally established itself in the last quarter of the 16th century), which survived the evolution of the form and were adjusted in connection with the development of language and society in form and content, have been preserved in the purposes of modern statements, memos, complaints (of citizens), and petitions. The high degree of creativity in the motivating and supplicating parts gives researchers a reason to bring ancient Russian petitions closer to works of art, especially from the point of view of the emotional impact of petitioners on the addressee. The study of the petitioner's verbal interaction with the authorities shows how socio-political structure was reflected in the modifications of the structural model of the document, which were caused by opposite trends: the more the government moved away from the needs of common people, the more depersonalized the content of the petition became, and its author was distanced from the power.

KEYWORDS: state system, dialogue with the power, petitions, typical complaint model, evolution of document parameters, complaints, Russian language, history of the Russian language, Ivan IV, Aleksey Mikhaylovich, protopope Avvakum.

AUTHOR'S INFORMATION: Bekasova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Methods of Its Teaching, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.

FOR CITATION: Bekasova E. N. (2025). Modulation of the Dialogue with the Power in Russian Petitions. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 16-24. (In Russ.).

Челобитная — один из немногих документов, прошедших путь от формирования Древнерусского государства до укрепления

Российской империи. Более того, следы старых жалобниц и челобитий, переживших эволюцию формуляра и откорректировав-

© Бекасова Е. Н., 2025

ших в связи с развитием языка и общества свою форму и содержание, сохранились в целевом назначении современных заявлений, служебных записок, жалобах (граждан), прошениях. Такого рода просительные документы, являясь массовым явлением на всех этапах развития власти, пронизывают все слои населения, которые изредка могли менять роли — получать челобитья от нижестоящих и обращаться к вышестоящим.

Стремление разных социальных групп в той или иной степени защитить собственные интересы вовлекали в своеобразный диалог с властью просителя или группу просителей по всем звеньям вертикали власти — как светской, так и духовной, давая возможность практически каждому высказаться по поводу создавшейся жизненной ситуации или сложившимся обстоятельствам. В связи с разнообразием поводов, способов объективизации просьбы, использованием доступного спектра экспрессивно-эмоциональных средств, возможных ресурсов воздействия древнерусские просительные документы в своей нарративной части обладают высокой степенью достоверности, что способствует объективному исследованию на их материале исторической действительности и выявлению реальных отношений социальной соподчиненности и развития диалога с властью и во власти. Такое положение обусловлено тем, что в челобитных содержание, как правило, «излагается свободно, в соответствии с желанием автора (писца)» [Волков 1974: 71], при этом «текст с изложением обстоятельств дела и просьб обычно не был связан традиционными формулами чаяний и требований в формулировках самих челобитчиков» [Раскин 1974: 185], что делает данные документы не только одним из ценных источников изучения русской истории, но и языка. Высокая степень креативности мотивирующей и просительной частей дает основание исследователям сближать древнерусские челобитные с художественными произведениями, особенно с позиции оказания эмоционального воздействия челобитчиков на адресата (обзор литературы см.: [Трахтенберг 2015: 84–85]). Более того, историк Н. Н. Оглоблин, изучавший документы сибирского приказа конца XVI — второй половины XVIII в., утверждал, что челобитные составлялись «населением вполне самостоятельно, свободно и независимо от административных влияний и вождения ... Для изучения народного мирозерцания ... челобитные народа представляют единственный в своем роде материал и более ценный, чем в ке-

лейных произведениях так называемой „литературы“ этого времени... В челобитных слышится несомненный голос народа — более действенный и жизненный, чем в разного рода „сказаниях“, „повестях“ и т. п. ...» [Оглоблин 1900: 87].

С течением времени менялся формульный каркас челобитий, в определенной степени влияя на нарративную часть, трансформируя модуляции диалога просителя к более властному лицу. По мнению историков и лингвистов, челобитие как документ частного-делового характера следовало за развитием государства и его социальной градацией. Считается, что в начальный период формирования Древнерусского государства как пережиток патриархальных отношений были востребованы жалобы / жалобницы, которые в «обращении нижестоящего лица к вышестоящему с просьбой решить поставленный вопрос, подчеркивали „как бы семейный характер взаимоотношений между князем и его подчиненными“» [Русанова 2022: 90], причем «от властного лица ждут не столько действий, сколько ответной жалобной эмоции, сходной с родительским участием» [Садова 2020: 20]. К такого типа документам следует отнести грамоту № 361 (условная дата 1380–1400 гг.), которая на сайте Берестяных грамот определяется как челобитная, но при этом параметризация текста [Горбань 2021: 8] не позволяет однозначно отнести документ к данному жанру, поскольку в начальном протоколе отсутствует типичная формула *челом быют*, но присутствует начальное слово документа — *поклон* и многочисленные обращения к господину: *поклонъ от шижнанъ и от братиловиць господину якову пожди господине по свою верешь дати господине не гнеє а нзынеца ксме господине погнели верешь позабл сѣяти господине не чєго а кєти тако же не чєго вѣи господине промежу собою исправы не учините а мѣ промежу вами погнели*¹ [Берестяные грамоты]. С другой стороны, в тексте представлена именно жалоба, то есть в народном осознании «изъявление обиды <...> в широком диапазоне оттенков чувства и переживаний — от сетования, печали и просьбы о помощи до ропота, упреков и хулы» [Колесов 2014: 252]. Это также подтверждается тем, что в грамоте № 135 (условная дата 1380–1400 гг.) *Челобѣтъє от ижеа кѣ василью игнатьву с просьбой позаботиться о детях (по неце осподин пєцалєсь дѣтьмѣ моими), по мнению А. В. Арциховского и В. И. Борковского, «че-*

¹ Текст минимально адаптирован.

лобיתье — еще не просьба, а поклон, в соответствии с прямым этимологическим смыслом» [Арциховский 1958: 75]. Таким образом, уже в конце XIV в. челобитие как имя действия начинает объединять жалобу, просьбу и прошение, а динамика модели просительного документа постепенно складывается в жанр челобитной, которая, по мнению С. С. Волкова, утверждается в последней четверти XVI в. [Волков 1972: 48–54] и, пережив своеобразную стандартизацию в XVII в., сохраняется в некоторых своих чертах и после Петровских реформ.

Такое изменение структуры документа прежде всего было связано с развитием государства и представлениями о его устройстве. С XV в. меняются отношения адресата и адресанта, поскольку государство начинает мыслиться «в виде феодального дома с государем, посаженным править волей свыше. Это уже не близкие „семейные отношения“, но еще „домашние“: еще признается законное право одного человека стоять над другим в границах общего дома» [Садова 2020: 10]. Как справедливо утверждает И. Е. Забелин, «простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития» сменяется принижением масс, однако «одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы» всё еще равняют быт государя, бояр и крестьян [Забелин 1990: 52].

В этих условиях при сохранении казуальной и просительной частей начинает отрабатываться начальный протокол со специфическими требованиями самоуничижительных диминутивов того, кто бьет челом, а затем и «пренебрежительных наименований его родственников и имущества» [Руднев 2023: 25]. Подобные отношения рассматриваются по-разному: или как безусловная покорность челобитчика (С. С. Волков), или как подчиненность власти, которая обязана заботиться о сиротах, богомольцах, нищих, бедных, рабах (работниках), холопах и нести за них ответственность (С. Б. Веселовский, А. Н. Качалин). Думается, что последняя точка зрения соответствует реальным отношениям просителя к вышестоящему лицу, способному выполнить его просьбу. Об этом, в частности, свидетельствуют челобитные неистового протопопа Аввакума, которые не только показывают неисчерпаемые литературные возможности данного документа и его воздействующую силу, но и значимость формулировок в начальном протоколе, например: *Христоробивому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии само-*

дер[жиу] бьет челом богомолец твой, в Даурех мученой прото[поп], Аввакум Петров [Там же: 193]; *благочестивому государю, царю-свету Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу <...> грешник протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю* [Аввакум: 185]; *Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моих умилисердися ко мне! <...> Свет-государь, православной царь! <...> Царь-государь, смилуйся* [Там же: 191].

При традиционном титуловании царя [Чашина 2010] Аввакум во всех своих челобитных подчеркивает его принадлежность к православию, а себя именует в той же духовной плоскости — богомольцем и грешником, например: *царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! <...> помилуй едиnorodную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския церкви святых сосец ея нелесным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси. Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единого бо мы себе отца имамы вси, иже есть на небесех, по святому Христову Евангелию* [Аввакум: 195]. Однако особое построение казуальной и просительной частей дает основание считать, что Аввакум, обращаясь к Алексею Михайловичу, облакал свои послания в форму челобитных к царю на него самого. Это четко указано в Первой челобитной Аввакума, где им определяется цель челобитных в нераздельности своих жалоб и прошений: *«свое ли смертоносное житие возведу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?»* [Там же: 185]. В челобитных Аввакум прямо обвиняет Алексея Михайловича: *«Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит»* [Там же: 197]. Он также поименно называет тех, кто погубил *«в Руси все государевы люди душою и телом»* [Там же: 189], и приводит перечень их злодеяний и ожидаемого наказания вместе с царем, которому, однако, дается возможность самому всё исправить, но *«аще ли же ни, то пустим до Христова суда: там будет и тебе тошно, да тогда не пособишь себе ни мало» «и ты тамо отвечаши будеши всем нам»* [Там же: 197]. «Раб господень», уповающий на Бога и не боящийся ничего, припадает к ногам царя, свету и надежде, но при этом по-

стоянно указывает ему не только на существование высшего суда, но и относительность царской власти: *«Видишь ли, самодержавие? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын божий покорил за темничное сидение и небо и землю»* [Там же: 200].

Надо отметить, что подобное обращение челобитчиков к царю не является исключением. В частности, Д. А. Высоцкий в этом плане отмечает коллективную челобитную 1648 г., в которой авторы «поднимаются до критики самого царя, правда слегка замаскированной. Они напоминают ему, что он „от бога и всего народа был поставлен и избран государем“ и ему „меч злым на казнь, а добрам на милость был вручен, чем всякая неправда была исправлена“» [Высоцкий 1987: 136]. А в челобитной псковских дворян патриарху Никону содержится прямая угроза обратиться к царю, «а буде де государевой милости не будет, одинако де мы ныне пропали, собрався иверских старцев прирубим и монастырь весь разорим» [Там же: 133].

С другой стороны, ряд челобитных предупреждает о серьезных последствиях в случае непринятия властью соответствующих мер, например, в Челобитной владимирских оброчников «Великие росискии державы Московского гсдрства бояром и воеводам» (1613 г.) указывается, что *«нам гсдри беднымъ людишкам жити невозможно многие люди от не...ных податей розно разбрелися а иные бро[дят] по двором»* [Пам. Влад.: 149]; в Челобитной царю Михаилу Федоровичу (1616 г.) земский староста Куземка предупреждает, что из-за выпущенных татей и разбойников г. Шуя от *«их воровског умышления становитца пуста»* [Там же: 153]; шуяне в челобитной царю Алексею Михайловичу показывают, как не приняли их челобитную, и ему *«чиниться простой и недобор»* и под. Невыполнение коллективных челобитных могло закончиться городскими восстаниями. Так, в июне 1648 г. в царствующем граде «нестроениями» и «огненными попалениями» было показано царю Алексею Михайловичу, чем может закончиться игнорирование мнения жителей Москвы: *«Великие люди»* ссорят государя со всею землею, *«вся народное множество Московского государства», «все граде всей... державы от этого станут»* [Черепнин 1978: 282].

Н. В. Маркова приводит примеры, как первоначально не принятые Государем и Патриархом, но неоднократно посылаемые челобитья привели к ограничению торговли с англичанами; а челобитная, призывающая к созыву Земского собора, от земских воевод

и от всяких, которые «все плачутся на государя, что государь де за нас бедных... не вступаетца, выдав свое государство на грабление приказных людей», легла в основу «Соборного уложения» 1649 года, «что свидетельствует о возможности оказывать влияние на политику властей» [Маркова 2019: 12].

Типовая модель челобитной складывается во времена Ивана IV, закрепляется в Соборном уложении 1649 г. и не теряет своей актуальности в XVIII в. Показательно, что жесткий каркас с формулой-обращением, формулой челобитья, сведениями об адресате и конечным протоколом в соединении с тем животрепещущим желанием пожаловаться и поплакаться и особыми для каждого возможностями добиться справедливости для себя, семьи, родных, общины настолько внедрились в сознание древнерусского человека, что используются как материал для формирования особого, во многом креативного текста. Первым этим воспользовался Иван IV, который, отталкиваясь от челобитья игумена Козьмы с братиею, свое ответное «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» мимикрирует под челобитье, скрепленное соответствующими зачином — *«в пречистую обитель... и преподобному игумену Козьме, яже о Христе с братию, царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа Руси челом бьет»* [Послания 2005: 162], *«А мы вамъ, господие мои и отцы, челомъ биемъ до лица земнаго»* [Там же: 192] — и последовательно выдержанным возвеличиванием адресата и уничижением, особенно в начальной части, ее автора — *окаянного, грешного, скверного, недостойного, пса смердящего...* Контрасты именования адресата и адресанта челобитной позволили Ивану IV усилить эффект возвышения богоизбранного царя, «знающего святость и понимающего свою греховность „исполу чернецу“ дать отповедь погрязшим в мирском полумонахам — разорителям православия на Руси [Бекасова 2018]. Коммуникативная стратегия усыпления бдительности монахов, обмана их формульных ожиданий конечного протокола (*помилуй и сжаляся*) подчинена достижению главной цели — утверждению значимости самодержца, несущего ответственность перед Богом за души своего народа.

В Послании Симеону Бекбулатовичу Иван IV выбирает другую стратегию, неуклонно следуя введенному в оборот обновленному образцу челобитной: указана дата, прописан титул нового государя, которому бьет челом *«Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом»* [По-

слания 2005: 187], сохранена формула «о всем тебе, государю, челом бьем. Государь, смилуйся, пожалуй!» [Там же: 189] с тщательной уничижительной «прошивкой» текста: *людишок, вотчинишок, поместьишок, хлебишко, денженка, рухлядишко, дьячишки, жалованьишко*. Причины появления такого документа и цели Ивана IV до сих пор неясны [Там же: 187], но можно предположить, что в данном случае Иван IV полностью реализовал потенциал языковой игры, механизмы которой и «реализуют стратегию моделирования нестандартного ассоциативного контекста восприятия игры (игровой трансформы) на фоне опознавательного прототипа» [Гридина 2016: 84]. Модель челобитной, проявляющаяся во всей структуре текста, позволяла в форме некоего «перевертыша» использовать терминологию грамот о размежевании земель, полной грамоты (о приеме в холопы) и правил отказа и приема челобитных, а самое главное — проявить отточенное мастерство лицедейства и «остротную игру» (Д. С. Лихачёв), а далее, видимо, рассмотреть и проанализировать реакцию «людишек» на его игрища, обеленные в строгий каркас делового документа.

Лингвокреативный эксперимент к жанру челобитной применил и царь Алексей Михайлович, однако для него притягательность формуляра челобитной заключается прежде всего не в политических целях, а в игровых контрастах адресата и адресанта, в абсолютной свободе казусной части, которая позволяет затронуть любую сторону жизни в ее воздействующей убедительности и несдерживаемой эмоциональности. Это тоже своеобразный «перевертень», но «потешный», обусловленный не государственными интересами и спецификой взаимоотношений низшего и высшего по вертикали власти, а проявление необычайной тяги царя к охоте. В «Челобитной, заручной именем государя и его государевых полчан о звании бояр на Озерецкого медведя» царь не только смиренно просит принять участие в охоте, но и напоминает каждому из 12 бояр об их челобитных: «я всем вам поступался, кто о чем бил челом. И вы помятуйте все скорую милость к себе...» (цитируется по [Шунков 2010: 187]). Однако строгость непринятия отказа смягчается концовкой дружеского послания: «А я, государь царь и великий государь Алексей Михайлович всеа Руси, полчане желаем всем дивного спасения и телесного здравия во веки. Аминь» [Там же].

Надо отметить, что для Алексея Михайловича возможность «поиграть» с текстом, вправленным в челобитную, была, по всей

видимости, обусловлена его практикой дружеских писем, где он не только описывал свои «потешения», но и нередко позволял себе словесные увеселительные потехи типа «А у нас Христос воскрес. А у вась воистинно ли воскрес?» [Шунков 2010: 187] или шуточные жалобы в виде письма-акrostиха на непеченный хлеб [Летопись: 38]. Видимо, не последнюю роль в обыгрывании формуляра и креативных возможностей челобитной сыграло исполнение царских обязанностей — «государь, слушав, указал и приговорил про то сыскать», тем более, судя по И. Е. Забелину, ему приходилось разбирать челобитные из-за частых «побранок на Постельной крыльце», которое находилось между приемными палатами и жилыми теремными покоями государя: бесчинствовали знатные и почтенные особы из родов Голицыных, Долгоруких, Волконских, Опричных и под., там же шумели и бранились приказные и площадные люди. А затем они писали друг на друга челобитные, не боясь статей Уложения, по которым за изветы и «бездельность» следовало серьезное наказание. И. Е. Забелин приводит примеры таких челобитных, которые «позволяют вслушаться в склад живой разговорной старинной речи, раскрывают склад понятий и нравов тогдашнего общества» [Забелин 1990: 408], например: «Бьет челом холоп твой Евсигнейка Неелов на Романа Цымарманова и на сына его Ивана: в нынешнем, государь, во 183-м году марта в 1 день Роман и сын его Иван на твоём государеве Постельном Крыльце у переграды при многих людех безчестил меня холопа твоего; и называли Роман и сын его Иван вором и зершиком [*игроком в кости*] и бунтовщиком <...> Царь государь смилуйся пожалуй!» [Там же: 384]; «Бьют челом холопы твои Федка да Алешка Салтыковы: в нынешнем, 381 государь, во 183-м году октября в 6 день в селе Коломенском безчестил отца нашего боярина Петра Михайловича и нас холопей твоих и весь род наш Никифор Захарьев сын Фустов всякою неподобною лаею. Милосердый государь! пожалуй нас холопей, вели...» [Там же: 380–381]. Челобитные о бесчестии нередко доходили «до нелепых и смешных вещей» [Там же: 352], что стало причиной указа Петра I от 4 мая 1700 г. о запрете подобных исков: власть перестала внедряться в дразги своих подданных. Особо показателен пример реакции императора на челобитные путивльского воеводы Алымова на Григория Бутурлина, который смотрел на него «зверообразно», «тем он меня холопа твоего обесчестил» — «вместо правды бесчестия, Петр, за таковое недельное челобитие, велел доправить на са-

мом челобитчике 10 р. пени» [Забелин 1990: 352].

На фоне царских креативных практик вершиной использования потенциальных возможностей жанра следует признать пародийное челобитье 1677 г. о нарушении «безпечального житья» монахов Калязинского монастыря, в котором введенные структурные параметры документа выдерживались настолько строго, что в так называемом статейном списке XVIII в. в соответствии с законом «О форме суда» Петра I от 5 ноября 1723 г. текст разбивался на пункты.

Именно с Петровской эпохи начинается процесс окончательной стандартизации формуляра челобитной, который становится все более официальным — от полной отстраненности царя-батюшки от подданных (Именной указ 22 декабря 1718 г. о запрете подавать челобитные государю) и передаче бумаг на рассмотрение в различные приказы до законодательного нововведения формы челобитной в Именном указе 1723 г.: «*бьет челом имряк на имряка, а в чем мое прошение, тому следуют пункты, и писать пункт за пунктом*» [ПРП: 636]. Все это так или иначе отразилось на мотивирующей и просительной частях, которые становятся более безличными и холодными, поскольку хоть и писались государю, но по сути рассматривались кем-то назначенным и какими-то неопределенными лицами.

Меняется и самоидентификация челобитчика, который теперь именует себя полным именем с уточнением социального положения не потому, что утвердился в собственном достоинстве, а потому, что понял — на жалость государя рассчитывать не стоит: *Бьет челом отставного квартирмистра Петра Иванова сна Меркулова крестьянин ево Федор Иванов снь Сушили и в чем мое прошение тому следуют пункты* (1741 г.) [ПМ XVIII: 169]; *Бьет челомъ генерала и ордина святаго Александра кавалера лейб-гвардии Преображенского полку подполковника Михаила Афонасьевича Матюшкина жены ево вдовы гсжи генералиши Софьи Дмитриевны служителей ее Никифор Зверевъ а о чемъ мое прошение тому следуют пункты* (1747 г.) [Там же: 178] и под. Разночтения особенно показательны в сравнении с теми же московскими челобитными, но XVII в.: *бьет челом раба твоя Ивановская женишка Дмитриевича Протопопова Анютка* (1659 г.) [МДБП: 201]; *бьет челом холоп твои кадашевец Стенка Баженов* (1668 г.) [Там же: 205]; *бьет челом сирота твои гсдревъ москвитин Дмитровские сотни тягл[ец] Фетка Василевъ снь Капля* (1669 г.) [Там же: 79].

Адресат в условиях новой вертикальной коммуникации все более отдаляется, а со временем не только растворяется в структурах власти, но и ею же от нее отсекается. Соответственно отпадает необходимость и в уничижительных формах имени, и приложениях типа *сирота, холоп*, которые еще недавно сокращали дистанцию между жалобщиком и государем, сохраняя некий флер домашнего общения и семейных уз, свойственный временам жалобниц, а вслед за этим уходила надежда на положительное рассмотрение дела и помощь. Именно поэтому в челобитных XVIII в. именованья челобитчика и того, на кого он жалуется, становятся одинаково официозными и эмоционально безличными по сравнению с текстами XVII в., ср.: *холопъ твои подячишка Гаврилко Степановъ бьет челом на Афанасья Дмитриева, посадцкого члвка Константина Черепихина* (1671 г.) [МДБП: 82]; *Сирота твои Якушко Семенов бьет челом на Трофима Офанасева* (1670 г.) [Там же: 81] и др.

Реакцией на стандарт документа, сжимающего интенции жалобщика и просителя до формальных пунктов, адресованных формальному читателю, становится отмена конечного протокола — *црь гсдрь смилуйся пожалуй*. Концовка с надеждой на жалость и милость сменяется констатацией факта: кто подписал или кто записал челобитную, при этом старая формула может изредка вплестись в новый контекст, где государя просят не пожалеть и выполнить прошение, а велеть принять челобитье исполнителю — *пожалуе меня сироту своего вели гсдрь челобите мое и явку записат црь гсдрь смилуется*. Стремительно теряется непосредственность и индивидуальность общения людей, из которых один, «малый», излагает свои жалобы и просьбы, а другой, «великий», обязан их удовлетворить, имея соответствующие права и возможности. Жесткие требования шаблонности из формуляра начинают распространяться на содержание челобитья — только «по сей формуле отправляться» [ПСЗ: 150], постепенно нивелируя многообразие устройства жизни, ее психологическое осмысление, индивидуальное или коллективное изложение в рамках коммуникативных достижений, отсекая реального человека не только от адресата, долженствующего пожалеть и оказать милость, но и от документа, который теперь пишется формально «по пунктам».

В движении к предельной стандартизации, предписываемой «сверху», в том числе и в связи с оптимизацией обработки потока такого рода документов, теряется актуальность и значимость информационной части,

что в соединении с обновлением лексико-фразеологического репертуара полностью разрушает воздействующую составляющую и эмоциональный накал текста, расплавляясь в трафаретности и обезличенности, и в свою очередь обуславливает соответствующую реакцию вышестоящих структур. При этом неизменным остается отзвук традиционной приниженности заявителя, который современной личностью воспринимается как некое нарушение ее прав. В связи с этим вспоминается случай попытки назначить на должность профессора достойного кандидата наук, доцента, чему помешало одно обстоятельство: человек отказался писать заявление: если достоин — назначайте, если нет — просить не буду. В этом плане следует согласиться с мнением Д. В. Руднева и Т. С. Садовой, что «просить власть (*требовать, заявлять, обращаться* и т. д.) имеет смысл только в том случае, если автор говорит с властью на языке, ожидаемом и даже навязываемом ею самой, — об этом со всей ясностью свидетельствует эволюция языка просительных документов, максимально отражающих метасферу (принципы устройства и идеологию) государства» [Руднев 2020: 31]. Однако считаем нужным отметить, что отторжение адресата и адресанта — процесс не только взаимосвязанный, но и практически одновременный с обеих сторон: власть дистанцируется от просителя, который с ощущением разрыва ранее почти домашних связей и некоего «прорезывания» официозного начала перестраивает свое общение с властью, стараясь вписаться в предлагаемую норму за счет потери эмоционально-воздействующих средств и обезличивания перед иллюзорным представителем власти, заменившим всесильного государя. В этом документе уже не до жалоб с максимальным воздействием на власти поддерживающие и не до упований на их действия: главным становится форма, а также опасение, что челобитие будет рассмотрено как «бездельное ябедников». При этом начинает распадаться родовое название ключевых древнерусских документов на явочные, распросные, исковые, изветные, мировые, отсроченные и пр., переходя в другой вид документа — прошение, в котором взаимное отчуждение власти и просителя полностью исключает следы их бывшей, почти «семейной» связи.

ИСТОЧНИКИ

1. Аввакум = Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. И. К. Гудзия. — Москва : ГИХЛ, 1960. — 480 с. — Текст : непосредственный.
2. ДБГ = Древнерусские берестяные грамоты. — URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения: 3.02.2025). — Текст : электронный.

3. Летопись = Летопись занятий Археографической комиссии за 1885–1887 гг. — Вып. 10, отд. II. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1895. — Текст : непосредственный.

4. МДБП = Московская деловая и бытовая письменность XVII века / сост. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. — Москва : Наука, 1968. — 338 с. — Текст : непосредственный.

5. Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. — Москва : Наука, 1984. — 367 с. — Текст : непосредственный.

6. ПМ XVIII = Памятники московской деловой письменности XVIII века. — Москва : Наука, 1981. — 318 с. — Текст : непосредственный.

7. Послания = Послания Ивана Грозного / подг. Текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Андриановой-Перетц. — (Репринтное воспроизведение издания 1951 г.). — Санкт-Петербург : Наука, 2005. — 716 с. — Текст : непосредственный.

8. ПРП = Памятники русского права. Вып. 8 / под ред. К. А. Софроненко. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1952–1961. — 667 с. — Текст : непосредственный.

9. ПСЗ = Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. — Т. VII (1723–1725 гг.). — Санкт-Петербург : Типография Его Императорского Величества, 1830. — 925 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.) / А. В. Арциховский, В. И. Боровский. — Москва : АН СССР, 1958. — 159 с. — Текст : непосредственный.
2. Бекасова, Е. Н. Креативный челобитчик / Е. Н. Бекасова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник / Урал. гос. пед. ун-т. — Вып. 2 : Материалы Междунар. конф. «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы нового научного направления» (27–28 апреля 2018 г.) / гл. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург : [б.и.], 2018. — 562 с. — С. 36–45. — (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»; Вып. 2 (27)).
3. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства : моногр. / С. С. Волков. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. — 164 с. — Текст : непосредственный.
4. Волков, С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная / С. С. Волков. — Текст : непосредственный // Русская историческая лексикология и лексикография. — Ленинград : ЛГУ, 1972. — С. 46–61.
5. Высоцкий, Д. А. Коллективные дворянские челобитные XVII в. как исторический источник / Д. А. Высоцкий. — Текст : непосредственный // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. — Ленинград : Наука, 1987. — Т. XIX. — С. 125–138.
6. Горбань, О. А. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 4. — С. 5–18. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>.
7. Гридина, Т. А. Словесные эксперименты Игоря Северянина: игра в поле языковых возможностей / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2016. — № 2. — С. 83–95. — EDN WHDSIL.
8. Забелин, И. Е. Государев двор, или дворец / И. Е. Забелин. — Москва : Книга, 1990. — 416 с. — (Историко-литературный архив). — Текст : непосредственный.
9. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности. В 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — Т. I. — 592 с. — Текст : непосредственный.
10. Маркова, Н. В. Коллективные челобитные посадского населения как источник информации об интересах горожан русского города XVII века / Н. В. Маркова. — Текст : непосредственный // Вестник МГПУ «Исторические науки». — 2019. — № 4 (36). — С. 8–16. — <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.36.4.01>

11. Оглоблин, Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным / Н. Н. Оглоблин. — Москва : [б. и.], 1900. — (Из «Чтений в Обществе истории и древностей рос. при Моск. ун-те»). — Текст : непосредственный.

12. Раскин, Д. И. Мирские челобитные монастырских крестьян первой половины XVIII в. / Д. И. Раскин. — Текст : непосредственный // Вспомогательные исторические дисциплины. — Ленинград : Наука, 1974. — Т. VI. — С. 175–185.

13. Руднев, Д. В. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи / Д. В. Руднев, Т. С. Садова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22, № 4. — С. 21–36. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>.

14. Русанова, С. В. От челобитной к жалобнице: факты, вопросы, гипотезы / С. В. Русанова. — Текст : непосредственный // Славянская историческая лексикология и лексикография. — 2022. — Вып. 5. — С. 86–100. — DOI 10.30842/26583755202206.

15. Садова, Т. С. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект / Т. С. Садова, Д. В. Руднев. — Текст : непосредственный // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2020. — Т. 42. — № 5. — С. 8–14. — DOI: [10.15393/uchz.art.2020.493](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493).

16. Трахтенберг, Л. А. Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков в контексте теории смеховой культуры : учеб. пособие по спецкурсу / Л. А. Трахтенберг. — Москва : МАКС Пресс, 2015. — 112 с. — Текст : непосредственный.

17. Чащина, Е. А. Лексический состав титулатуры в памятниках деловой письменности московской Руси XV–XVII веков / Е. А. Чащина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2010. — № 22 (203). — Вып. 46. — С. 140–143.

18. Черепнин, Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. / Л. В. Черепнин. — Москва : Наука, 1978. — 420 с. — Текст : непосредственный.

19. Шунков, А. В. Авторское слово в русской эпистолографии 2-й половины XVII века (на материале материалов семейной переписки царя Алексея Михайловича) / А. В. Шунков. — Текст : непосредственный // Acta Neophilologica. — 2010. — Т. XII. — С. 181–191.

MATERIALS

1. Avvakum (1960). *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum, written by himself, and his other works] (Ed. I. K. Gudziy). Moscow: GIKhL, 480 p. (In Russ.)

2. DBG = *Drevnerusskie berestyanye gramoty* (n.d.). [Old Russian birch bark letters]. Retrieved Feb. 3, 2025, from <http://gramoty.ru/birchbark/> (In Russ.)

3. Archaeographic Commission (1895). *Letopis' = Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii za 1885–1887 gg.* [Chronicle = Chronicle of the studies of the Archaeographic Commission for 1885–1887] (Iss. 10, sev. II). Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. (In Russ.)

4. Kotkov, S.I., Oreshnikov, A.S., & Filippova, I.S. (Comp.) (1968). *MDBP = Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka* [MDBP = Moscow business and everyday writing of the 17th century]. Moscow: Nauka, 338 p. (In Russ.)

5. Kotkov, S.I. (Ed.) (1984). *Pam. Vlad. — Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVII veka. Vladimirskiy kray* [Pam. Vlad. — Monuments of business writing of the 17th century. Vladimir region]. Moscow: Nauka, 367 p. (In Russ.)

6. PM XVIII (1981). *Pamyatniki moskovskoy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Monuments of Moscow business writing of the 18th century]. Moscow: Nauka, 318 p. (In Russ.)

7. Likhachev, D.S., & Lur'e, Ya.S. (Comp.) (2005). *Poslaniya = Poslaniya Ivana Groznogo* [Epistles = Messages of Ivan the Terrible] (Ed. V.P. Andrianova-Peretts, Reprint reproduction of the 1951 edition). St Petersburg: Nauka, 716 p. (In Russ.)

8. Sofronenko, K.A. (Ed.) (1952–1961). *PRP = Pamyatniki russkogo prava* [PRP = Monuments of Russian Law] (Iss. 8). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 667 p. (In Russ.)

9. PSZ (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [PSZ = Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. (Vol. VII, 1723–1725). St. Petersburg: Tipografiya Ego Imperatorskogo Velichestva, 925 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Artsikhovskiy, A.V., & Borkovskiy, V.I. (1958). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.)* [Novgorod letters on birch bark (from the excavations of 1953–1954)]. Moscow: AN SSSR, 159 p. (In Russ.)

2. Bekasova, E.N. (2018). Kreativnyy chelobitnikh [Creative petitioner]. In T.A. Gridina (Ed.), *Ural'skiy filologicheskii vestnik* (Issue. 2: Proceedings of the International Conference “Linguistics of creativity: trends and prospects of a new scientific direction”, April 27–28, 2018, pp. 36–45; Series “Language. System. Personality: Linguistics of creativity”, Iss. 2(27)). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 562 p. (In Russ.)

3. Volkov, S.S. (1974). *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [Vocabulary of Russian petitions of the 17th century: form, traditional etiquette and stylistic means] [Monograph]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 164 p. (In Russ.)

4. Volkov, S.S. (1972). Iz istorii russkoy leksiki. II. Chelobitnaya [From the history of Russian vocabulary. II. Petition]. In *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* (pp. 46–61). Leningrad: LGU. (In Russ.)

5. Vysotskiy, D.A. (1987). Kollektivnye dvoryanskije chelobitnye XVII v. kak istoricheskij istochnik [Collective noble petitions of the 17th century as a historical source]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* (Collection, Vol. XIX, pp. 125–138). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

6. Gorban', O.A., Kosova, M.V., & Sheptukhina, E.M. (2021). Strukturnaya razmetka delovykh dokumentov v diakhronicheskom lingvisticheskom korpusе: problemy i resheniya [Structural markup of business documents in a diachronic linguistic corpus: problems and solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 20(4), 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1> (In Russ.)

7. Gridina, T.A. (2016). Slovesnye eksperimenty Igorya Severyanina: igra v pole yazykovykh vozmozhnostey [Verbal experiments of Igor Severyanin: a game in the field of linguistic possibilities]. In *Ural'skiy filologicheskii vestnik*. Ser.: “Language. System. Personality: Linguistics of Creativity”, Iss. 2, pp. 83–95. (In Russ.)

8. Zabelin, I.E. (1990). *Gosudarev dvor, ili dvorets* [The Sovereign's Court, or Palace] (Ser. “Istoriko-literaturnyy arkhiv”). Moscow: Kniga, 416 p. (In Russ.)

9. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., & Kharitonov, A.A. (2014). *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian mentality] (Vol. 1). St. Petersburg: Zlatoust, 592 p. (In Russ.)

10. Markova, N.V. (2019). Kollektivnye chelobitnye posadskogo naseleniya kak istochnik informatsii ob interesakh gorozhan russkogo goroda XVII veka [Collective petitions of the tradesmen's population as a source of information about the interests of the townspeople of the Russian city of the 17th century]. *Vestnik MGPU «Istoricheskie nauki»*, 4(36), 8–16. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.36.4.01> (In Russ.)

11. Oглоблин, Н.Н. (1900). *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of the columns and books of the Siberian order (1592–1768)] (Part 3. Documents on relations between local government and the central one; Ser. “Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University”). Moscow. (In Russ.)

12. Raskin, D.I. (1974). Mirskie chelobitnye monastyrskikh krest'yan pervoy poloviny XVIII v. [Worldly petitions of monastery peasants of the first half of the 18th century]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* (Vol. VI, pp. 175–185). Leningrad: Nauka. (In Russ.)

13. Rudnev, D.V., & Sadova, T.S. (2023). Metafora gosudarstva i sposoby ee vyrazheniya v russkoy delovoy rechi [Metaphor of the state and ways of its expression in Russian business speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 22(4), 21–36. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2> (In Russ.)

14. Rusanova, C.V. (2022). Ot chelobitnoy k zhalobnitse: fakty, voprosy, gipotezy [From petition to complainant: facts, questions, hypotheses]. *Slavyanskaya istoricheskaya leksiko-*

logiya i leksikografiya, 5, 86–100. DOI 10.30842/265837552 02206 (In Russ.)

15. Sadova, T.S., & Rudnev D.V. (2020). Iz istorii russkikh prositel'nykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt [From the history of Russian petition genres: linguistic aspect]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 42(5), 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493 (In Russ.)

16. Trakhtenberg, L.A. (2015). *Russkaya rukopisnaya parodiya XVII–XVIII vekov v kontekste teorii smekhovoy kul'tury* [Russian handwritten parody of the 17th–18th centuries in the context of the theory of the culture of laughter] [Teaching manual]. Moscow: MAKS Press, 112 p. (In Russ.)

17. Chashchina, E.A. (2010). Leksicheskiy sostav titulatury v pamyatnikakh delovoy pis'mennosti moskovskoy Rusi XV–XVII vekov [Lexical composition of titlature in monuments of

business writing of Muscovite Rus' of the 15th–17th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 22(203, Iss. 46), 140–143. (In Russ.)

18. Cherepnin, L.V. (1978). *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th–17th Centuries]. Moscow: Nauka, 420 p. (In Russ.)

19. Shunkov, A.V. (2010). Avtorskoe slovo v russkoy epistolografii 2-y poloviny XVII veka (na materiale materialov semeynoy perepiski tsarya Alekseya Mikhaylovicha) [Author's Word in Russian Epistolography of the Second Half of the 17th Century (Based on the Materials of the Family Correspondence of Tsar Alexei Mikhailovich)]. *Acta Neophilologica*, XII, 181–191. (In Russ.)